

Счет за одиночество

Утро. Тихо.. Дверь в прихожую приоткрыта, и мне хорошо слышны шорох телефонного диска и хрипловатый голос хозяина квартиры, у которого я больше месяца назад снял одну из трех комнат.

— Междугородная? Здравствуйте, девушка... Мне, пожалуйста, Мариуполь... Спасибо...

Все! Больше мне, при всем желании, не заснуть. После разговора по телефону он, нещадно шаркая ногами и что-то бормоча, как неприкаянный будет ходить из комнаты в комнату, двигать стульями, включать *М* выключать радио, а то придет ко мне — жаловаться на судьбу.

Я уже знаю, что он почти всю свою жизнь проработал бухгалтером, что ему шестьдесят семь лет, что имеет два ранения, что у него больное сердце, что жена однажды утром ушла от него к другому мужчине, который когда-то был его другом, а дети, повзрослев, разъехались кто куда. Знаю и то, что после выхода на пенсию его с работы никто не навещал и даже не звонил, что живет он один, и многое, многое другое...

Я неохотно встаю с кровати, надеваю брюки и выхожу в прихожую.

В ней царит полумрак и пахнет валерьянкой. Он, горбясь, в рубашке навыпуск, спортивном трико, сидит на стоящей рядом с телефонным аппаратом маленькой скамейке *и*, поправляя прикрепленный за ухом слуховой аппарат, близоруко шурясь, перелистывает страницы потрепанной записной книжки. Пальцы его рук, длинные, тонкие, дрожат, словно чем-то очень сильно напуганы.

— Доброе утро, Валентин Иванович! — громко и нарочито бодро говорю я.

— Здравствуй, — он смотрит на меня темными, с голубыми ободками старости глазами *и*, как и во все предыдущие дни, протягивает записную книжку, в которой фамилии зачеркнуты. — Прочитать не могу.

И на этой странице адрес настолько неразборчив, что я с большим трудом разбираю название города, номер телефона и фамилию.

— Благодарю вас, — он наклоняет голову, покрытую седыми, коротко подстриженными волосами.

Я умываюсь, когда звонит телефон.

— Не отвечает, — слышу потерянное. — Тогда дайте, пожалуйста, Новгород... Спасибо большое...

В Мариуполь он звонит каждый божий день с какой-то непонятной мне настойчивостью. Первое время ему отвечали, но раз за разом разговоры становились короче и вот — молчание.

— Не отвечает Мариуполь, — он жалобно улыбается.

— Наверное, дома никого нет, — утешаю. — Лето на дворе. Уехали куда-нибудь.

Одеваюсь и подхожу к окну. Из него виден железнодорожный вокзал и голубой клочок озера, на берегу которого стоит белый катер.

Снова громко звонит телефон.

— Да!.. Я это, Пашенька, я... Здравствуй, милый!.. Здоровье? Ничего здоровье... Сам-то как?.. Ну и слава Богу, слава Богу... Приехал бы хоть на денечек... Да... Я понимаю, — голос его потускнел. — Звони хоть... Нет, не заходят... Не знаю я... Старый стал, не нужный... Ну, до свидания, милый, до свидания... — Негромкий щелчок, тишина, затем снова шорох телефонного диска и голос:

— Мне, пожалуйста, Ленинград..

В Ленинграде живет его дочь. Я видел ее. Она приезжала — расфуфыренная, властная. Снова звонит телефон.

— Это ты, Юленька?.. Здравствуй... Я это... Отец.. Спешешь? Хорошо, я позвоню потом... — продолжительное молчание, негромкий щелчок и снова звонок.

— Переговорили... Хорошо... — голос его дрожит.

Не выглядывая в прихожую, я знаю, что сейчас он снова сидит на скамейке и неслышно плачет, держа в руках записную книжку. Знаю и то, что немного погодя, успокоившись, он снова будет кому-то звонить, может, тому, чей адрес я только что разобрал, или придет ко мне.

Так и есть.

Раздается негромкий стук в дверь. Я оборачиваюсь. Он стоит на пороге — высокий, старый.

— Можно? — глаза у него красные.

— Конечно, Валентин Иванович, — я отхожу от окна и сажусь на кровать.

Он оглядывает комнату, тяжело опускается на краешек стула, молчит и долго смотрит куда-то в угол.

Чистый, теплый свет утра высвечивает каждую морщинку на его продолговатом лице.

Молчу и я.

За стеной равнодушно бьют часы. Следом неожиданно т громко звонят в дверь.

Он вздрагивает, вопросительно и несколько удивленно смотрит на меня, затем торопливо выходит в прихожую, откуда раздается звук открываемой двери и приветливый женский голос:

— Здравствуйте.

Меня разбирает любопытство. За время, что я прожил здесь, к нему никто не заходил.

Я беру со стола чашку, блюдо и выхожу из комнаты. У порога, с сумкой в руке, стоит молодая женщина.

Доброе утро, — говорю я и прохожу в кухню.

— Я из Госстраха, — сквозь застекленную дверь я вижу, как она достает из сумочки стопку бумаг и ручку. — Страховаться будете? — она вопросительно смотрит на Валентина Ивановича.

— Страховаться? — тускло переспрашивает он. — От чего?

— Вы что, ни разу не страховались? — она удивленно смотрит на него.

— Не довелось, — Валентин Иванович пожимает плечами. — Все как-то..А сейчас вроде бы и ни к чему.

— Ну что Вы! — восклицает она. — Страховаться очень выгодно, особенно в вашем возрасте.

Валентин Иванович усмехнулся.

— Страховаться можно от несчастного случая, он пожара, от стихийного бедствия, от...

Валентин Иванович переступает с ноги на ногу:

— Нет, милая, спасибо. Извини за хлопоты.

— Зря отказываетесь, — женщина прячет бумаги в сумку.

Хлопает дверь. Валентин Иванович, грустно улыбаясь, идет в кухню, садится на табурет, качает головой — Вот если бы от одиночества... Хотя бы на один день, а так... — и потерянно машет рукой.

Я переминаюсь с ноги на ногу и ухожу в свою комнату.

Немного погодя в прихожей снова раздается шорох телефонного диска. Я беру плащ и, выхожу из квартиры. Закрывая дверь, слышу:

— Девушка, мне, пожалуйста, Актюбинск... Спасибо...

На лестничной площадке пожилая, полная женщина раскладывает газеты и письма по висящим в ряд почтовым ящикам.

— Слушайте, — неожиданно обращается она ко мне. — Что это за богатей живет в пятой квартире? который месяц подряд за телефонные переговоры по десятке, а то и по две платит. Это же с ума сойти можно. — Лицо ее в капельках пота. — За двадцать рублей, — продолжает она, — можно ребенку обновку купить.

Я молча прохожу мимо.

— Совсем люди с ума посходили, — слышу удивленное. — Ладно б за что, а то за разговор...